

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 107–112.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86):107–112.

Научная статья
УДК 821.161.1-31.09"18"
DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.011

Эхо декабрьских событий 1825 года в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина

Людмила Павловна Квашина

Донецкий государственный университет, Донецк, Россия
lyukva@bk.ru

Аннотация. В статье повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» рассматривается как многоуровневое произведение, в котором конкретно-историческое, актуальное и универсальное глубоко и тесно взаимосвязаны. Новое прочтение классического текста позволяет глубже понять и оценить эстетические открытия и своеобразие «безыскусственной» пушкинской прозы.

Заданный в начале рассказа отсчет времени — отставка Гриневы-отца, связанная с дворцовым переворотом, вознесшим на престол Екатерину II, — рассматривается как исходный момент сюжетного конфликта. В повествование латентно входит тема самозванства как проблема русской истории и русского сознания. В тексте она поддерживается разветвленной системой намеков и ассоциаций.

Пушкинское повествование организовано таким образом, что в ключевых моментах судьбы героя прочитываются критические события жизни автора и его родовой истории, диалог Гриневы и Пугачева соотносится с разговором поэта осенью 1826 года с Николаем I, а опыт екатерининского царствования — с живой современностью: судьбой декабристов. Декабристская тема, очень лично переживаемая поэтом, анализируется в статье как скрытый план «Капитанской дочки».

Акт милости, оказанной Екатериной Гриневу, трактуется как реализация высшего принципа верховной власти, а значит — способ преодоления «самозванства» Екатерины, охранительный гарант законности ее правления. В современном Пушкину контексте жест Екатерины можно рассматривать как призыв «милости к падшим», адресованный непосредственно Николаю I.

Таким образом, «простая повесть прямо русской жизни» — это глубокие размышления о законах истории, природе власти, а также судьбе осужденных «друзей, братьев, товарищей».

Ключевые слова: декабристы, Екатерина II, «Капитанская дочка», милость, Николай I, А. С. Пушкин, самозванство.

Для цитирования: Квашина Л. П. Эхо декабрьских событий в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 107–112. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.011.

Original article

Echo of the December of 1825 events in A. S. Pushkin's *The Captain's Daughter*

Lyudmila Pavlovna Kvashina

Donetsk State University, Donetsk, Russia
lyukva@bk.ru

Abstract. The article considers A. S. Pushkin's novel *The Captain's Daughter* as a multilevel narrative where the concrete-historical, topical and universal themes are deeply and closely interconnected. A new reading of the classic text allows us to better understand and appreciate the aesthetic discoveries and originality of Pushkin's "artless" prose.

The timeline is set at the beginning of the story: Grinyov's father's resignation from Army service (following the *coup d'état* that made Catherine II Empress of Russia) is the starting point of the conflict. The narrative also includes the theme of Pugachev's imposture as the Tzar, a problem of our Russian history and consciousness. In the novel, this is supported by a whole system of hints and associations.

Pushkin's narrative is organized in such a way that in the key moments of the hero's fate we can guess the critical events of the author's life and ancestral history. For example, the dialogue between Grinyov and Pugachev correlates with the poet's conversation with Nicholas I in the autumn of 1826, and the experience of Catherine the Great's reign correlates with the living modernity: the fate of the Decembrists. This theme was very personally experienced by the poet, and the present article analyzes this hidden layer of *The Captain's Daughter*.

Empress Catherine's act of mercy on Grinyov is interpreted as a realization of the principle of supreme power, and thus it is a way of overcoming Catherine's own act of "imposture" and a guarantee of the legitimacy of her rule. In Pushkin's contemporary context, Catherine's gesture can be seen as a call for "mercy to the fallen" (in Pushkin's version of *Exegi monumentum*), addressed quite directly to Tsar Nicholas I.

Thus, "the simple tale of Russian life" is made a deep reflection on the laws of history, the nature of authority, as well as on the fate of condemned "friends, brothers, and comrades" (the Decembrists of 1825).

Keywords: Decembrists, Catherine the Great, "The Captain's Daughter," mercy, Nicholas I, A. S. Pushkin, imposture in political history.

For citation: Kvashina L. P. Echo of the December of 1825 events in A. S. Pushkin's *The Captain's Daughter*. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):107–112. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.011.

Введение

Декабристская проблематика, животрепещущая для современников, глубоко и очень лично переживаемая самим поэтом и абсолютно закрытая для публичного обсуждения, ощущимо присутствует в творчестве Пушкина 1820–1830-х годов и не только как тема прямого высказывания (известные его стихотворения), но и как предмет постоянных глубоких размышлений о законах истории, природе власти, что находит отражение в «Евгении Онегине», «Медном всаднике», «Пиковой даме» и, конечно, в «Капитанской дочке».

В произведении, повествующем о событиях XVIII века, есть прямой знак выхода исторического повествования в пушкинскую современность — финальная дата: «19 окт. 1836 года» [Пушкин, 1984, с. 83]. Такой же датой подписан концептуально значимый ответ поэта Чаадаеву на его «философические» размышления об исторической судьбе России. Так Пушкин «сближает» очень разные тексты, в которых, однако, речь идет о принципиально значимых историософских проблемах. В этом плане повесть «Капитанская дочка», последнее завершенное прозаическое произведение Пушкина, может рассматриваться как его завещание.

Наша задача — проанализировать «простую повесть прямо русской жизни» как многоплановое произведение, в котором конкретно-историческое, актуальное и универсальное глубоко и тесно связаны, что дает возможность по-новому оценить своеобразие «безыскусственной» пушкинской прозы, открыть текстоментальные смыслы пушкинского произведения.

Основная часть

Разговор о скрытых планах «Капитанской дочки» — довольно неоднозначное действие. Возникает неизбежное соотнесение с глубокой и точной характеристикой пушкинской прозы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя: «Мысль о романе, который бы поведал простую, безыскусственную повесть прямо русской жизни, занимала его в последнее время неотступно. Он бросил стихи единственно затем, чтобы не увлечься ничем по сторонам и быть проще в описаньях, и самую прозу упростил он до того, что даже не нашли никакого достоинства в первых повестях его. Пушкин был этому рад и написал "Капитанскую дочь", решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде. Сравнительно с "Капитанской дочкой" все наши романы и повести кажутся приторной размазней. Чистота и безыскусственность вошли в ней на такую высокую степень, что сама действительно<сть> кажется перед нею искусственной и карикатурной» [Гоголь, 1952, с. 384–385]. В унисон Н. В. Гоголю высказывает-

ся Ф. М. Достоевский: «Не подпишись под ним Пушкин, и действительно можно подумать, что это в самом деле написал какой-то старинный человек, бывший очевидцем и героем описанных событий, до того рассказ наивен и безыскусствен, так, что в этом чуде искусства как бы исчезло искусство, утратилось, дошло до естества» [Достоевский, 1924, с. 527]. Действительно, самые углубленные филологические изыскания не могут отменить общего впечатления удивительной простоты пушкинского рассказа.

Вместе с тем уже в первой, вполне традиционной хроникальной фразе, проступает сплетенность разных планов: судьбы героя, биографии автора, большой истории. «Отец мой Андрей Петрович Гринев в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году» [Пушкин, 1984, с. 7]. В рукописи датой отставки отца Гринева значился 1762 год — дворцовый переворот, в результате которого Екатерина II взошла на престол. Поскольку возникало противоречие с возрастом главного героя (к началу пугачевских событий (1773) Петруше должно было быть не менее 16 лет), Пушкин, по замечанию друзей, снял последние цифры. Хронологическая достоверность была восстановлена, но достаточно условно: сохранялась прикреплённость отца Гринева к Миниху («служил при графе Минихе»).

Известно, что Бурхард Христофорович фон Миних, полководец, активный политический деятель середины XVIII века, во время дворцового переворота сохранил верность свергнутому государю Петру Федоровичу. Если замысел Пушкина состоял в том, чтобы обозначить оппозиционность Гринева-старшего, его верность присяге и одновременно соблности возраст Петруши (по хронологическим выкладкам в черновиках он должен был родиться в 1755 году, то есть до переворота), ему достаточно было привязать отставку Гринева к любому другому резонансному дворцовому событию, которых в XVIII веке и в жизни Миниха было в избытке. Но для Пушкина важен был именно екатерининский переворот. Он внимательно изучил «Записки княгини Е. Р. Дашковой» и «Записки императрицы Екатерины II», и в его творческом сознании сформировалось представление о 1762 годе как о моменте смуты, своего рода вехе опасного раскола русского дворянства. Например, в вариантах автографа повести «Дубровский» «обстоятельства» конфликта старого Дубровского и Троекурова обозначены так: «Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору» [Пушкин, 1995, т. 8, кн. 8, с. 755].

Отметим также, что с именем фельдмаршала Миниха связаны важные биографические мотивы: его судьба соприкасалась с обеими ветвями пушкинского рода. Именно Миних вызволил из сибирской ссылки Абрама Ганнибала, прадеда Пушкина по материнской линии. А в «Моей родословной» о судьбе его деда со стороны отца — Льве Александровиче Пушкине — читаем: «Мой дед, когда мятеж поднялся / Средь петергофского двора, / Как Миних, верен оставался / Паденью третьего Петра» [Пушкин, 1995, т. 3, кн. 1, с. 262]. Стоит отметить, что в истории предков Пушкина и в биографии самого Миниха (из сибирской ссылки, куда он был отправлен Елизаветой Петровной, его вернул Петр III) очевидно есть мотив возвращения из ссылки.

Заданный отсчет времени позволяет Пушкину вести соотносительность разворачивающихся в повести событий с дворцовым переворотом, который вознес на престол Екатерину II. Он прочитывается как отправная точка сюжетного повествования и поддерживается в тексте разветвленной системой намеков. В повествование изначально входит тема самозванства как проблема русской истории и русского сознания и входит, заметим, не в связи с Пугачевым.

Стоит отметить интересную деталь: имени императрицы в тексте гриневского повествования нет (она именуется «государыня», «императрица», но не Екатерина II или коротко — Екатерина). Упомянуто оно единственный раз — в послесловии издателя: «В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке» [Пушкин, 1984, с. 83]. Видимо, это не случайность, а прямое авторское намерение. Сравним две близкие сцены в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке»: взятие мятежниками крепости Ильинской, казнь капитана Камешкова и прапорщика Воронова и пугачевская расправа над капитаном Мироновым и Иваном Игнатьичем в Белогорской крепости.

«История Пугачева»: «„Зачем вы шли на меня, на вашего государя? — спросил победитель. — Ты нам не государь, — отвечали пленники, — у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович, а ты вор и самозванец“. Они тут же были повешены» [Пушкин, 1995, т. 9, кн. 1, с. 35–36].

«Капитанская дочка»: «Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: „Как ты смел противиться мне, моему государю?“ Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: „Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!“ <...> Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Феодоровичу!“ — „Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!“ Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника» [Пушкин, 1984, с. 43–44].

На фоне близкого к документу исторического труда отсутствие имени императрицы в художественном тексте особенно очевидно. Зато в повести приводится, хотя и косвенно, как название городка в окрестностях Царского Села, ее немецкое имя — София. Именно в парке городка София, названного в честь императрицы, происходит встреча Екатерины в образе приятной дамы с Машей Мироновой. Художественная игра состоит в том, что Пушкин, юность которого прошла в этих местах, не мог не знать, что этот городок появился только через десять лет после описанных в повести событий. Семантика названия места судьбоносной встречи («мудрость») служит ценностной характеристикой поведения «незнакомой покровительницы» и подготавливает ее последующее преобразование в императрицу.

На пушкинском веку смена правителей происходила дважды, причем оба раза драматично: 1801 — убийство Павла I, 1825 — неожиданная смерть Александра I и дворянский мятеж. Пушкина очень интересовали обстоятельства междоусобицы, возникшие после смерти Александра I: присяга Константину Павловичу, официально носившему титул цесаревича, а две недели спустя — повторная присяга Николаю Павловичу. В русской истории переприсяга — случай невиданный, и это неизбежно породило слухи о захвате власти, создавая благоприятную почву для приведения в действие планов декабристов. Восстание было подавлено, но разговоры об узурпации власти не исчезли. Показательны воспоминания современника: «<...> крестьяне же, прежде обрадовавшись смутным вестям, что в декабре в столице царь “побил дворян”, <...> выводят из этого факта близкую волю и, не получив ее, задумываются: не “самозванный” ли царь коронуется; и уж скоро явятся несколько лже-Константинов» [Цит. по: Эйдельман, 1987, с. 14]. Обычная практика в русской истории. Можно также вспомнить, что суть знаменитой клятвы, которую в юности дали друг другу Александр Герцен и Николай Огарёв на Воробьевых горах после восшествия на престол Николая Павловича, вовсе не антикрепостническая — это было обязательство вернуть трон законному наследнику — цесаревичу Константину Павловичу. В автобиографической хронике «Былое и думы» А. И. Герцен вспоминал: «<...> я воображал в самом деле, что петербургское возмущение имело, между прочим, целью посадить на трон цесаревича, ограничив его власть» [Герцен, 2009, с. 57].

По воспоминаниям современников, Николай Павлович, так и не получив от Константина официальное отречение, ощущал себя на троне неуверенно и до смерти Константина правил в опасении переворота. «Тень» нелегитимности падала, таким образом, и на него.

Известно, что Пушкин во время коронации Николая I в Москве был доставлен из Михайловского в Кремль. В Чудовом монастыре состоялась двухчасовая встреча с царем. «Император долго беседовал со мною и спросил меня: «Пушкин, если бы ты был в Петербурге, принял ли бы ты участие в 14-м декабря?» — «Неизбежно, государь; все мои друзья были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них. Одно отсутствие спасло меня, и я благодарю за то Небо» [Цит. по: Эйдельман, 1987, с. 34].

В «Капитанской дочке» те, кто отказался присягнуть самозванцу, умирают на виселице. Гринев не мог «отстать» от них. Спасают его, как и поэта в свое время, — «чудные обстоятельства». Можно предположить, что в ситуации Гринева и Пугачева Пушкин не просто воссоздал критический момент собственной судьбы, но пересоздал его в согласии с нравственной позицией и опытом последних лет своей жизни.

Заключение

В 1826 году, после разгрома восстания, для Пушкина важно было определить свои отношения с Николаем I и свою позицию по отношению к участникам восстания. Судьба осужденных «120 друзей, братьев, товарищей», которые не были помилованы при коронации, на что

он очень надеялся, и оказались в казематах, на каторге и в ссылке, взывала к сочувствию и требовала соучастия в их освобождении. Ю. М. Лотман писал о разговоре поэта с царем: «Можно предполагать, что какие-то туманные заверения о прощении „братьев, друзей, товарищей“ Пушкин получил. Именно со времени этой первой встречи с царем начинается для Пушкина та роль заступника за декабристов, которую он подчеркнул как важнейшее из дел жизни: „И милость к падшим призывал“» [Лотман, 1995, с. 113]. Упорное же бессердечие Николая I становится причиной нарастающей оппозиционности Пушкина по отношению к новому режиму, а тема милости — важнейшей в его позднем творчестве.

Финальная сцена «Капитанской дочки» выстраивается на отчетливом выборе между правосудием и милостью. Именно так формулирует свою просьбу к императрице Маша Миронова. Проявленный Екатериной выбор — это прежде всего показательный просветительский жест «Северной Минервы». Но важен и другой аспект: милование — реализация уходящей вглубь культурной традиции, важнейшего, исключительного права монарха, поэтому милость Екатерины атрибутивна, этим жестом удостоверяется ее царственный статус и легитимизируется власть. В этом смысле возведение человечности в норму государственного правления — послание любому правителю: милосердие и сострадание есть высший принцип верховной власти, а значит — охранительный гарант ее законности. В контексте пушкинского произведения жест Екатерины можно рассматривать как призыв к милости, адресованный непосредственно Николаю I.

Эпилог повести на фоне слов императрицы о долге перед дочерью капитана Миронова и устного заверения «устроить ее состояние» достаточно ироничен: «В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке» [Пушкин, 1984, с. 83]. Пушкин не был ни догматиком, ни утопистом — любая догма искажает мир. Но даже в снятом виде сказочный апофеоз не может отменить реальность высокого жеста — «милости к падшим».

Список источников

1. Герцен А. И. Избр. произведения : в 5 т. — М. : Terra-Книжный клуб, 2009. — Т. 3. — 507 с.
2. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Полн. собр. соч. : в 14 т. — М. ; Л. : АН СССР, 1937–1952. — Т. 8. — 1952. — 816 с.
3. Достоевский Ф. М. Речь о Пушкине. Строки рукописи, исключенные из печатной редакции. 1880 г. // Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. — Л., 1924. — Сб. 2. — С. 526–529.
4. Листов В. С. Автобиографическое в «Капитанской дочке» // *Filologica*. — 2002. — Т. 7. — С. 145–166.
5. Лотман Ю. М. Пушкин. — СПб. : Искусство-СПб, 1995. — 847 с.
6. Мильчина В. Опять о правосудии и милости: еще один возможный источник финала «Капитанской дочки» // Новое литературное обозрение. — 2021. — № 172. — С. 180–192. — DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_180.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. — М. : Воскресенье, 1994–1996. — Т. 3, кн. 1. — 1995. — 635 с. ; Т. 8, кн. 2. — 1995 — 1119 с. ; Т. 9, кн. 1. — 1995 — 485 с.
8. Пушкин А. С. Капитанская дочка. — 2-е изд., доп. — Л. : Наука, 1984. — 320 с. — (Литературные памятники).
9. Эйдельман Н. Я. Пушкин: из биографии и творчества. 1826–1837. — М. : Художественная литература, 1987. — 463 с.

References

1. Herzen A. I. *Izbr. proizvedeniya: v 5 t.* [Selected works: in 5 volumes]. Moscow, Terra-Book Club, 2009, vol. 3, 507 p. (In Russian).
2. Gogol N. V. Selected passages from correspondence with friends. *Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [Complete works: in 14 volumes]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1937–1952, vol. 8, 1952, 816 p. (In Russian).
3. Dostoevsky F. M. Speech about Pushkin. Manuscript lines excluded from the printed edition. 1880. *Statyi i materialy. Pod red. A. S. Dolinina.* [Articles and materials. Edited by A. S. Dolinin]. Leningrad, 1924, collection 2, pp. 526–529. (In Russian).
4. Listov V. S. Autobiographical matters in “The Captain’s Daughter” *Filologica*. 2002, vol. 7, pp. 145–166. (In Russian).

5. Lotman Yu. M. *Pushkin*. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 1995, 847 p. (In Russian).
6. Milchina V. More about justice and mercy: another possible source of the ending of “The Captain’s Daughter.” *Novoye literaturnoye obozreniye*. [New literary review]. 2021. iss. 172, pp. 180–192. DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_180. (In Russian).
7. Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [Complete Works: in 17 volumes]. Moscow: Voskreseniye, 1994–1996]. Vol. 3, bk. 1, 1995, 635 p.; vol. 8, bk. 2, 1995, 1119 p.; vol. 9, bk. 1, 1995, 485 p. (In Russian).
8. Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka*. [The Captain’s Daughter]. Leningrad, Nauka, 1984, 320 p. (Literary Monuments). (In Russian).
9. Eidelman N. Ya. *Pushkin: iz biografii i tvorchestva. 1826–1837*. [Pushkin: from of biography and works. 1826–1837]. Moscow: Fiction, 1987. — 463 p. (In Russian).

Информация об авторе

Квашина Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература первой половины XIX века, поэтика, А. С. Пушкин.

Information about the author

Kvashina Lyudmila Pavlovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russian Literature and Theory of Literature at Donetsk State University.

Research interests: Russian literature of the first half of the 19th century, poetics, A.S. Pushkin.

Статья поступила в редакцию 16.11.2024; принята к публикации 10.01.2025.

The article was submitted 16.11.2024; accepted for publication 10.01.2025.